

УДК 322+281.93

ДИАЛОГ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Н. С. ЩЁКИН¹⁾

¹⁾Институт социологии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Исследуется вопрос сотрудничества церкви и государства на современном социально-историческом этапе развития общества. Диалог церкви и государства рассматривается в качестве атрибута современного общества. Акцентируется внимание на инновационной деятельности в практике отношений между государством и церковью, где формирование инновационного мышления является безусловным фактором, без которого любые нововведения будут неэффективны.

Ключевые слова: диалог церкви и государства; инновация; православие; Белорусская православная церковь (БПЦ); Русская православная церковь (РПЦ); основы социальной концепции РПЦ; церковь; государство; доктрина.

THE DIALOGUE OF CHURCH AND STATE IN THE CONTEXT OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF MODERN BELARUSIAN SOCIETY

N. S. SHCHEKIN^a

^aInstitute of Sociology of the National Academy of Science of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The author explores the issue of church and state cooperation at the modern stage of society development. Dialogue between church and state is viewed as an attribute of modern society. Attention is focused on the innovative activities of the practice of relations between state and church, the formation of innovative thinking is a factor without which any innovations will be ineffective.

Key words: dialogue of church and state; innovation; Orthodoxy; Belarusian Orthodox Church; Russian Orthodox Church (ROC); Fundamentals of the social concept of the ROC; church; state; doctrine.

Участие церкви в общественной жизни страны может порождать в массовом сознании иллюзию того, что в деятельности церковь опирается на простое заимствование из православного учения окончательно устоявшейся и подкрепленной многовековым опытом системы ценностей, имеющей традиционный характер модели взаимодействия с другими социальными субъектами. Однако современная православная церковь формируется под влиянием стремительных и противоречивых процессов модернизации и трансформации всех сто-

рон жизни белорусского общества. Священнослужители как члены государства придерживаются различных политических взглядов и предлагают многообразные решения социальных и культурных проблем. Труды отдельных православных богословов и христианских философов строятся не только на соблюдении положений догматического характера, но и на выражении персональных мнений и интерпретации неоднозначных, а порой и диаметрально противоположных процессов, происходящих в обществе. При этом ортодоксальные

Образец цитирования:

Щёкин Н. С. Диалог церкви и государства в контексте инновационного развития современного белорусского общества // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 1. С. 53–58.

For citation:

Shchekin N. S. The dialogue of church and state in the context of innovative development of modern Belarusian society. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 1. P. 53–58 (in Russ.).

Автор:

Николай Сергеевич Щёкин – кандидат философских наук, доцент; руководитель центра политической и экономической социологии.

Author:

Nicholas S. Shchekin, PhD (philosophy), docent; head of the center of political and economic sociology.
biant14@icloud.com

церковные идеологи, исходя из того факта, что православие сыграло в белорусской истории важную культуuroобразующую и ментально цементирующую роль, настаивают на том, что и сегодня оно остается единственным гарантом самостоятельного социокультурного развития Беларуси. Стремясь к воцерковлению народа и установлению тесного союза с властью, идеологи, на наш взгляд, не учитывают значительную дифференциацию современного белорусского общества в социально-политическом, национально-религиозном и мировоззренческом отношениях.

Говоря о современной церковной доктрине, надо иметь в виду, что как католическая, так и православная церкви не отождествляют свои взгляды и идеи с учениями богословов и философов. Архиерейский собор Русской православной церкви (РПЦ) в 2000 г. признал необходимость выработать всеобъемлющую концепцию, которая будет отражать общецерковный взгляд на вопросы церковно-государственных отношений и проблемы современного общества в целом. В частности отмечалось, что «труды отдельных православных богословов, пастырей, философов, ученых выражают частные мнения, порой диаметрально противоположные, а не официальную позицию Церкви. Причем эти частные мнения, будь-то мнения “левых” или “правых”, в ряде случаев выдаются за позицию всей Церкви, а иногда даже обвиняются в ереси. <...> Поэтому необходимо сформулировать общецерковную социальную концепцию – не партийную, “правую” или “левую”, а укорененную в Священном Писании и Священном Предании, следующую в русле и духе нашей богословской традиции» [1, с. 2, 4]. Центральное место в этой концепции занимает отношение РПЦ к общественно-политическим процессам, понимание места церкви в жизни светского общества, готовность к сотрудничеству с государством в определенных сферах общественной жизни. Отдельно необходимо подчеркнуть особенность данной доктрины. Она заключается в том, что, с одной стороны, последовательно отстаивается приоритет государства в диалоге как с личностью, так и с обществом, а с другой – обосновывается наличие дистанции РПЦ и политической власти. Об этом ясно высказался патриарх Кирилл в докладе на Архиерейском совещании РПЦ 2 февраля 2015 г.: «В своих сношениях с государством и обществом Церковь стремится к конструктивному взаимодействию и плодотворному *сотрудничеству*»¹ [2, с. 8].

Церковь, государство и «мир сей» во многом различны, что обусловлено отличием как приоритетов, так и целей и задач. Предметом забот госу-

дарства и большинства общественных объединений являются, прежде всего, земные ценности, а предметом заботы церкви – духовные, т. е. спасение людей для жизни вечной. Поскольку церковь можно назвать богочеловеческим организмом, она не должна становиться в подчиненное, зависимое от власти или какой-либо общественной группы положение. Модель равноправного и равносубъектного сотрудничества доказала свою дееспособность и эффективность в отношениях церкви с общественными объединениями и светской властью.

Не правы оказываются и те люди, которые пытаются непременно противопоставить церковь, общество и государство путем трактовки принципа светскости как обоснования для непримиримого конфликта или радикального разделения. Разумеется, не следует объединять управленческие структуры церкви и государства. Общественные ассоциации также призваны сохранять некую автономию и от государства, и от церковных институтов, но при этом люди в церкви, государстве и обществе в значительной мере одни и те же.

Очевидно, что задача государства состоит в сохранении помимо общественного порядка и физического здоровья граждан моральных устоев, а также в заботе о сохранении семьи, возрождении культуры, взаимопонимании между людьми и народами. Церковь, по заявлению патриарха на Архиерейском совещании, со своей стороны также поддерживает в обществе приоритет непреходящих нравственных ценностей, хранит вековые традиции, помогает и народу, и власти духовно сориентироваться – в этом состоит миссия церкви в современном мире. [3, с. 30–31]. На наш взгляд, это заявление не лишено противоречия. Совершенно верно указано, что сотрудничество между церковью и государством должно быть равноправным, что, тем не менее, не означает их равный статус в обществе. Дело в том, что церковь и государство, как отмечалось, не равны в плане ролей, которые они играют в жизни общества, и функций, которые им свойственны как субъектам этого общества. Государство является по сути «всеобщим» институтом в том смысле, что оно выражает интересы всех граждан и обладает официальными полномочиями и ресурсами для этого. Церковь же – институт, не обладающий статусом подобной всеобщности, что доктринально закреплено в социальном учении о церкви. В этом заключается история и логика развития государства и церкви.

В связи с этим необходимо отметить, что под социальным учением церкви подразумевается система концептуальных положений, в которых отражено характерное для конфессии понимание су-

¹ На основании Соглашения о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской православной церковью (БПЦ) были подписаны программы сотрудничества и иные совместные документы о взаимодействии церкви с рядом министерств и государственных учреждений, а также соответствующие документы местного уровня между областными исполнительными комитетами и епархиями Белорусского Экзархата, а в ряде регионов – на уровне районных исполнительных комитетов и церковных благочиний с целью координации совместной деятельности.

ществующего устройства и тенденций развития общества. Это понимание опирается на вероисповедные принципы церкви и ее собственный социальный опыт. По содержанию такое учение обращено не только к клиру и мирянам, но и ко всему обществу, а потому способно оказать воздействие на общественное сознание, а через него – на принятие государством социально значимых решений.

Со стороны формы учение церкви всегда доктринально, т. е. в нем неустранимы моменты догматизма и даже схоластики, обусловленные основами ортодоксии. Разумеется, действенность социального учения церкви определяется не только мерой ее реального влияния в обществе, но и концептуальной состоятельностью и привлекательностью заложенных в ней идей, а также доступностью для широкой аудитории формы их подачи.

Отношение православной церкви к обществу и государству в программном документе «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», опубликованном в 2000 г. [1], представлено в четырех тематических блоках:

- 1) общество, понимание его природы, основ социального устройства;
- 2) церковь, понимание ее природы и институционального назначения, ее социального статуса и отношения к государству;
- 3) личность, понимание ее природы, ее связь с обществом, а также проблемы индивидуального существования, свобод, прав и ответственности личности перед обществом;
- 4) духовные константы современного общества (мораль, культура, наука).

В целом концепция представляет собой не всеобъемлющее учение о социуме в интерпретации православной церкви, а, скорее, учение о месте церкви в современном мире, а также о социальной и нравственной позиции воцерковленного человека. Немаловажным является и то, что в этом документе можно уловить стремление православия к возрождению церкви как социального института, а также к повышению ее статуса в жизни общества. В связи с этим актуальным является мнение Э. В. Ананьева, который отметил, что «основы социальной концепции РПЦ <...> в отличие от католического компендиума, указывающего лишь принцип церковно-государственных отношений, дают исчерпывающий список направлений взаимодействия Православной церкви и государства» [4, с. 59].

Современный человек в данной концепции по-прежнему рассматривается как «поврежденная грехом личность», поскольку он не в состоянии самостоятельно распорядиться своей свободой без опеки со стороны Бога и церкви. Вместе с тем следует отметить гуманистическую направленность концепции, которая находит выражение в содержащемся заявлении о поддержке нуждающихся в помощи и призыве к усилению «благотворительного»

и «милосердного служения» и в то же время об осуждении проявления аморализма и необходимости борьбы с пьянством, наркоманией и проституцией. Красной нитью в концепции проходит мысль о том, что церковь готова высказываться в защиту высших человеческих ценностей, которые в ее понимании неразрывно связаны с Богом. В целом можно отметить, что реализация концепции РПЦ в условиях Республики Беларусь призвана способствовать эффективной адаптации Белорусской православной церкви (БПЦ) к особенностям социодинамики современного белорусского общества, сохранив, однако, неприкосновенность ее мистической природы и традиций.

Если рассматривать ключевые разделы доктрины, то становится очевидным, что социальная концепция церкви исходит из того, что православная религия призвана быть для верующего человека социально-нравственным ориентиром в жизни, способствуя лучшему пониманию происходящих в современном мире перемен. В шестнадцати разделах концепции, имеющей доктринальный характер, отражено отношение церкви к различным аспектам жизни современного общества. В частности, рассмотрены проблемы межэтнических и международных отношений, взаимоотношения православной церкви и государства, внимание уделяется соотношению норм нравственности и закона. Также в концепции анализируются проблемы, связанные с вопросами демографического и экологического кризисов, поднимаются темы глобализации и секуляризации мира. Особое место отводится разъяснению позиции церкви по вопросу сотрудничества с государством в области здравоохранения, воспитания и социализации человека.

Так, в докладе на Епархиальном собрании города 28 декабря 2012 г. патриарх Кирилл говорил: «Православная Церковь, заботясь о своей папстве, всегда являла готовность соработничать с государственной властью в деле духовно-нравственного и патриотического воспитания народа, стремилась вносить свой вклад в сохранение национального и культурно-исторического наследия». Митрополит Филарет, рассуждая об основах и перспективах сотрудничества государства и церкви, обозначил более глубокий смысл их ролей: «Задачи и деятельность Церкви и государства могут совпадать не только в достижении земной пользы, но и в осуществлении спасительной миссии Церкви» [5, с. 8].

Проблема взаимодействия государства особенно актуальна для таких стран, как Беларусь и Россия, в которых православная религия является доминирующей и которые находятся в транзитивном положении. Во многом именно последнее обстоятельство обуславливает особое отношение в государствах к традициям, новациям и введению инновационных форм социодинамики. Это вызывает споры и дискуссии, о чем, в частности, свидетель-

ствуется обсуждение передачи Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге в собственность РПЦ.

Для того, чтобы выполнять свою духовную миссию, церковь, безусловно, должна активно участвовать в общественной жизни, но это не означает установку на клерикализацию как стремление получить политическую власть путем подчинения светского государственного аппарата. Как справедливо отмечает председатель Синодального информационного отдела Русской православной церкви В. Легойда, «церковь хочет и может влиять на общество и делает это. А как иначе? В свое время маленькая община христиан в Римской империи изменила ход истории человечества. И сделала это не огнем и мечом, а примером и убеждением. Идеи всегда конкурируют. Или в современном мире, с его пластиковой моралью, супермаркетовскими развлечениями и девиациями, возведенными в норму, не может звучать Евангелие? Не надо ошибочно принимать за клерикализацию выполнение церковью своей обычной миссии – проповеди» [6].

Тем не менее, существуют упреки и даже обвинения (в частности, исходящие от российской прессы) в адрес РПЦ в том, что церковь фактически слилась с государством. Это побудило руководство РПЦ ответить на данные претензии. Так, говоря о милосердных деяниях, патриарх отметил, что «эти усилия Церкви не всеми и не всегда воспринимаются адекватным образом. В последнее время все чаще и чаще из определенных агрессивно настроенных кругов – тех, кто категорически не заинтересован в христианизации и духовном просвещении нашего народа, раздаются лживые обвинения в адрес Церкви о якобы происходящем ее сращивании с государственной властью. Говоря на эту тему, я уже неоднократно имел возможность показать нашим недоброжелателям, что эти утверждения лишь пустой миф, не имеющий ничего общего с современными условиями бытия Русской Православной Церкви. <...> Возможно понимать, что Церковь и государство – совершенно разные установления. Церковь не собирается присваивать себе государственных функций, поскольку ее задача не поддерживать законность и внешний порядок, чем, собственно говоря, и занимаются институты светской власти, а насыщать души людей, заботиться об их духовно-нравственном состоянии, утверждать евангельские ценности в жизни общества» [7, с. 34–35]. Не менее определенно по этому поводу высказался митрополит Филарет, подчеркнувший, что «уже неприемлемо понятие соотношения властей – светской и церковной, поскольку каждое суверенное государство обладает единой политической властью на всей своей территории» [2, с. 7].

Очевидно, что нельзя абсолютизировать указанное разграничение функций церкви и государства,

поскольку государство, как и церковь, не обязано наряду со многими другими вопросами заниматься и духовно-нравственным укреплением общества. Однако очевидно, что политика государства в сфере духовно-нравственного воспитания не может базироваться на религиозной идеологии, в связи с чем проблема диалога церкви и государства в данной сфере духовной культуры предстает как проблема гармонизации деятельности государства и церкви. Это означает, что диалогу между равноправными субъектами должна быть свойственна сложная диалектика, нарушение которой ведет к двум крайним сценариям, нашедшим реальное воплощение в отечественной истории.

Один из сценариев заключается в том, что отмечается путь возвышения статуса церкви в обществе и ее активное влияние на гражданскую историю, при этом в отношениях с государством церковь доминирует как социальный субъект. В частности, эту позицию обосновывал патриарх Никон царю Алексею Михайловичу Романову, считая, что институт церкви выше института государства, поскольку церковь неотделима от Бога, от которого вся власть на земле. В наше время этот сценарий, как уже отмечалось, предстает в форме клерикализации общественной жизни. В современной истории такая форма диалога возникла в результате народно-демократической революции в Иране в 1979 г. Во многом эта революция явилась реакцией широких народных масс, исповедующих ислам, и духовенства на политику шахиншаха Мохаммеда Реза Пехлеви, проводившего курс, направленный на модернизацию страны по образцу США. В результате революционных событий произошли глубинные изменения в государственном и политическом устройстве: вместо конституционной монархии по результатам общенационального референдума Иран был провозглашен исламской республикой. По словам известного российского публициста Ю. Каграманова, политическая модель, выстроенная Аятоллой Хомейни и предполагающая своеобразное сочетание демократических институтов с теократией, оказалась жизнеспособной. Согласно конституции Ирана, верховную власть в стране осуществляет рахбар – духовное лицо, которое выбирается не народом, а выдвигается из среды высшего духовенства. Автор отмечает, что когда на Западе указывают на недемократический характер этой процедуры, в Иране отвечают, что идея «велаёте факих» (власть теологов) была признана народом и даже практически подсказана им [8].

Второй сценарий, развивающийся в результате нарушения сложной диалектики, свойственной диалогу государства и церкви как субъектам социальной коммуникации, может воплощаться в огосударствлении самой церкви и превращении ее в один из институтов государства, хотя и облада-

ющий индивидуальной спецификой. В этом, как отмечалось ранее, заключается суть эрастианства, исходящего из верховенства светской власти над духовной. Такая система нашла воплощение в реализации в Византии фактического руководства в восточном христианском мире принципа цезарепапизма, превращающего церковь в проводника политической стратегии светских правителей.

В цивилизационной динамике Российской империи, которая вместе с РПЦ стала наследницей многих традиций ортодоксально ориентированного Константинополя, этот сценарий реализовался в церковной реформе Петра I. Применительно к проблеме взаимоотношений церкви и государства, на наш взгляд, правомерно говорить о реставрации принципа цезарепапизма, поскольку можно согласиться с Константином Леонтьевым в том, что «усилия царей рода Романовых и самые резкие преобразования Петра изменили лишь частности, сущность не могла быть изменена» [9, с. 42].

Так, в результате проведенной в 1721 г. церковной реформы управления патриаршество было упразднено и заменено «соборным» управлением. При этом из лиц, принадлежащих к духовенству, была создана духовная коллегия, названная «Синод», причем количественно ее состав был таким же, как состав других коллегий: президент, два вице-президента, советники, ассессоры и секретари, также при Синоде состоял обер-прокурор. Известный русский историк С. Ф. Платонов отмечает показательность того факта, что «в делах веры синод имел силу и власть патриаршескую, но вместе с тем он стоял в ряду прочих коллегий, подчиняясь надзору генерал-прокурора и сената. Так разрешил Петр вопрос о церковном правлении, коренным образом уничтожив возможность столкновения представителей царской и церковной власти» [10, с. 244].

По поводу реализации данного сценария отношений государства и церкви можно сделать два замечания. Во-первых, формально эти взаимоотношения отвечают правилам диалога, так как синод выполнял функции патриарха, репрезентируя себя как главу церкви. Но в то же время очевидно, что социальный статус этих институтов не одинаков, поскольку Синод, представляя церковь, в то же время по факту является государственным учреждением. Во-вторых, бесспорно, что церковная реформа Петра I может рассматриваться в качестве инструмента модернизации общества и одновременно формы модернизации самой РПЦ как социального института. При этом подобная модернизация может быть оценена как инновационный продукт, возникший благодаря единству традиций и новаций в стремлении гармонизировать отношения этих социальных институтов для предотвращения конфликтов между ними. В итоге это привело к ограничению социальных функций церкви и ее

редукции к статусу помощника государства в делах веры. Фактически это означает превращение диалога этих социальных институтов в монолог одного из них, закамуфлированный при этом под диалог.

Следовательно, существует тонкая грань в понимании роли и возможностей государства и церкви и в осуществлении их совместной деятельности на благо общества. Об этом свидетельствует не только история отношений, но и современность. Показательно, что президент Франции формально назначает епископов в Эльзасе и Лотарингии, а изучение Закона Божьего жителями этого региона финансируется государством, при этом правительство Франции выделяет значительные финансовые средства на содержание большинства культовых учреждений. Не менее симптоматичной является и практика стран Северной Европы, в которых священники получают зарплату из государственного бюджета, а труд священника Русской православной церкви, служащего в Бельгии, оплачивается местными властями [6]. Данные факты говорят о влиянии на диалектику традиций и новаций и, соответственно, на потребность нововведений в отношениях государства и церкви, а значит, о необходимости следования в деятельности государства и церкви такому важному принципу диалектического мышления, как принцип конкретно-исторического подхода в познании и общественной практике.

Однако общим для инновационной деятельности в практике отношений между государством и церковью является формирование инновационного мышления, без которого любые нововведения будут неэффективны. При этом очевидно, что инновации можно успешно проводить и развивать только в рамках расширения и укрепления традиций в обществе и государстве. Сегодня, когда инновационное развитие страны стало государственной программой, многие полагают, что начинать необходимо с технологического перевооружения экономики. Безусловно, это имеет определенный смысл, но вопрос заключается в том, какую экономику следует считать инновационной в современных условиях. В инновационной экономике локомотивом развития, как отмечают ученые-экономисты, «является отнюдь не конкуренция, а экономика инновационных компетенций (знаний, умений и навыков), ядро которой составляют образование и наука» [11, с. 80].

Однако очевидно, что способствующие становлению инновационной экономики образование и наука являются важнейшими составляющими не только эффективного развития экономической сферы, но и самого государства. И в этом смысле диалог церкви и государства становится атрибутом современного общества. Представляется, что создание инновационной экономики имеет не только утилитарно-прагматическое значение, но и,

затрагивая основы социального бытия, более фундаментальные последствия для модернизации как государственно-управленческой системы, так и духовной культуры общества. Когда речь идет об инновационном пути развития Беларуси, необходимо видеть системный характер этой проблемы и понимать особенности социально-исторической

и религиозной ситуации в стране. Целенаправленное культивирование сугубо рационального и прагматического подхода, связанного исключительно с решением технологических и экономических задач, и игнорирование социально-нравственных проблем приведет не к инновационному прорыву, а скорее к системной деградации общества в целом.

Библиографические ссылки

1. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Информацион. бюл. отд. внеш. церков. связей Москов. Патриархата. 2000. № 8 (спец. вып.).
2. Церковь, государство, общество : Информац.-аналит. сб. Минск : Братство в честь св. Архистратига Михаила, 2013.
3. Миссия Церкви в современном мире: из доклада патриарха Московского и Всея Руси на Архиерейском совещании // Журн. Москов. Патриархии. 2015. № 3. С. 18–38.
4. Ананьев Э. В. Социальная концепция Русской православной церкви: ответ на вызовы времени // Гос-во, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 53–74.
5. Высокопреосвященный Филарет митрополит Минский и Слуцкий Патриарший Экзарх всея Беларуси. Государство и Церковь: основы и перспективы сотрудничества // Проблемы упр. 2006. № 3 (20). С. 7–12.
6. Легойда В. Мир утопий, или Еще раз о церкви и государстве // Эксперт. 2012. № 40 (822).
7. Актуальные вопросы церковной жизни. Из доклада Святейшего Патриарха Кирилла на Епархиальном собрании города Москвы 28 декабря 2012 года // Журн. Москов. Патриархии. 2013. № 2. С. 34–55.
8. Каграманов Ю. Вокруг «иранской идиомы» [Электронный ресурс] // Дружба народов. 2009. № 12. С. 141–152. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2009/12/ka10.html> (дата обращения: 17.06.2013).
9. Леонтьев К. Н. Записки отшельника. М. : Русская книга, 1992.
10. Платонов С. Ф. Учебник русской истории. М. : Прогресс-Политика : Вопросы истории, 1992.
11. Янчук В. Экономический либерализм и границы его применения // Беларус. думка. 2015. № 12. С. 76–81.

References

1. [Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church]. *Informatsionnyi byullyuten' ottd. vneshnikh tserkovnykh svyazei*. 2000. No. 8 (spec. issue) (in Russ.).
2. [Church, state, society] : Information-analytical coll. Minsk : Brotherhood in honor of St. Archistratus Michael, 2013 (in Russ.).
3. [Mission of the church in the modern world: From the report of the Patriarch of Moscow and All Russia at the Bishops' Meeting]. *Zhurn. Mosk. Patriarkhii*. 2015. No. 3. P. 18–38 (in Russ.).
4. Anan'ev E. V. [The Social Concept of the Russian Orthodox Church: An Answer to the Challenges of Time]. *Gosud. relig. therk. v Rossii i za rubezom*. 2010. No. 4. P. 53–74 (in Russ.).
5. [His Eminence Filaret Metropolitan of Minsk and Slutsk Patriarchal Exarch of All Belarus. State and Church: the foundations and prospects for cooperation]. *Probl. upravleniya*. 2006. No. 3 (20). P. 7–12 (in Russ.).
6. Legoida V. [The world of Utopica or Once again about the church and state]. *Ekspert*. 2012. No. 40 (822) (in Russ.).
7. [Actual questions of church life. From the report of His Holiness Patriarch Kirill at the Diocesan Assembly of Moscow on December 28, 2012]. *Zhurn. Mosk. Patriarkhii*. 2013. No. 2. P. 34–55 (in Russ.).
8. Kagramanov Y. [Around the «Iranian idiom»]. *Druzhba narodov*. 2009. No. 12. P. 141–152. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2009/12/ka10.html> (date of access: 17.06.2013) (in Russ.).
9. Leont'ev K. N. [Memoris of a hermit]. Moscow : Russkaya kniga, 1992 (in Russ.).
10. Platonov S. F. [A Textbook of Russian History]. Moscow : Progress-Politika : Voprosy istorii, 1992 (in Russ.).
11. Yanchuk V. Economic liberalism and the limits of its application. *Belarus. dumka*. 2015. No. 12. P. 76–81 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегия 22.05.2017.
Received by editorial board 22.05.2017.